

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ И КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АРГУМЕНТАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные для построения теории аргументации вопросы, связанные с трансляцией смысла в процессе аргументативного взаимодействия. На примере некоторых характерных полемических приемов показано как феноменологическая концепция смысла и другого я позволяет раскрыть природу наиболее эффективных аргументативных механизмов, обеспечивающих изменение позиции адресата аргументативного сообщения.

The article considers the questions crucial for the construction of an argumentation theory connected with the transmission of meaning in the process of argumentative interaction. On the basis of several characteristic polemic examples, the author shows how the phenomenological concept of meaning and the other ego allows revealing the nature of the most efficient argumentation mechanisms causing the change in the position of the addressee of the argumentative message.

Ключевые слова: *аргументация, когнитивный подход, феноменология, значение, аппрезентация.*

Keywords: *argumentation, cognitive approach, phenomenology, meaning, appresentation.*

Введение.

Любая аргументация является одной из сторон коммуникативной деятельности и включает в себя субъекта сообщения, само сообщение и адресата, к которому оно обращено.

0.

Успешность аргументации зависит от многих параметров, среди которых важное место занимают вопросы, связанные с понятием адресата. Адресат – это другой психофизический субъект со своим опытом, не доступным непосредственно

моему опыту. Его мысли, чувства, рассуждения, все, что относится в некотором смысле к реальным событиям его сознания, переживается им в реальных когнитивных актах, не принадлежит пространственному трансцендентному миру, доступному моему *я*. Другими словами, адресат – «закрытая монада». Нельзя не пережить, не понять за *другого* равно также, как нельзя пережить в реальном акте переживания чужую боль. В то же время, адресат – это не только *другой*, но это *другое Я* (Alter Ego). Само выражение «*другое Я*» является ключевым к феноменологическому истолкованию другого субъекта. Феноменология обосновывает само существование другого как *другое я*, исследует его природу, и, тем самым, поднимает ряд наиважнейших для аргументации проблем. Прежде всего, речь идет о самой возможности понимания, когда «чужой» смысл становится «моим», и наоборот, благодаря чему и происходит доступ к *другому я*, другому сознанию. «Доступность» другого сознания делает возможным изменение концептуальной системы, лежащей в основании отношения адресата к миру, предмету, ситуации.

Феноменологические исследования сознания как смыслового пространства, концепция Alter Ego, когнитивно обусловленная теория смысла Э. Гуссерля, а также достижения современной психологии коммуникаций, позволяют не только подвести концептуальную, теоретическую базу под различные имеющиеся подходы к аргументации, но и по-новому взглянуть на полемические технологии, что имеет значение для аргументации как практической деятельности.

В первом параграфе статьи рассматриваются ключевые феноменологические понятия когнитивного смысла Sinn и лингвистического смыслового значения Bedeutung и устанавливается их связь с концепцией личностного смысла А.Н. Леонтьева. Во втором параграфе с феноменологической точки зрения анализируется проблема трансляции смысла аргументативного сообщения. В третьем параграфе феноменологическая интерпретация передачи смысла в процессе аргументации получает дополнительное обоснование через механизм аппрециации (аналогизирующей апперцепции), подводятся некоторые итоги исследования.

1. Sinn, Bedeutung и личностный смысл

«Между миром и человеком поистине зияет пропасть смысла» – писал основатель феноменологии Э. Гуссерль. Этот фундаментальный феноменологический тезис получает развитие и экспериментальное подкрепление в современной психологии. Психологи убедительно демонстрируют, что смысл буквально пронизывает весь человеческий опыт.

В работе [2] В.А.Иванников доказывает, что смысл является необходимой сущностной чертой человеческого опыта. Осмысление предмета человеком, причем эмоционально окрашенное, лежит в основе его деятельности, влияет на принятия решений и осуществление поступков. Многими психологами отмечается связь волевой регуляции всякого действия с определенным ценностным смыслом этого действия в концептуальной системе субъекта. Если задача, которую пытается решить субъект, является лично значимой, проблема регуляции текущих психических состояний (утомление и т.д.) практически снимается сама собой. И наоборот, если в данный момент деятельность лично не значима, субъекту приходится волевым усилием преодолевать трудности, например, состояние утомления или рассеянности. Итак, в центре нашего внимания оказывается междисциплинарное понятие смысла, которое требует своего прояснения.

В феноменологии предметный мир преобразуется в знание о мире. Любой предмет рассматривается как интенциональный, то есть данный сознанию в качестве осмысленной предметности. Отнесение предмета (ситуации) к уже имеющемуся смыслу или создание дополнительного смысла означает *изменение* сознания самого субъекта, с одной стороны, и предметного мира (ситуации) как его коррелята, с другой. Побуждения субъекта-адресата к волевому действию, зачастую представляющие собой цель обращенной к нему аргументации (например, в правовой полемике, деловом общении или переговорной практике), также связаны с определенными изменениями в концептуальной системе. Важно отметить, что позиция адресата должна быть им как-то представлена, выражена, проявлена в ожидаемом поведении. Без обратной связи никакая аргументация не может рассматриваться как успешная.

Возможность изменения позиции адресата имплицитно содержится в понимании сознания как реального темпорального когнитивного процесса.

Специфика феноменологического метода состоит в том, что сознание рассматривается не только со стороны его идеального содержания, априорной интенциональной структуры, но и как совокупность реальных, протекающих во времени когнитивных актов разного уровня. В «Логических исследованиях» Гуссерль неоднократно подчеркивал, что смысл каждый раз *переживается* субъектом заново в реальном когнитивном акте, а не приобретает им извне в «готовом» виде.

Следует иметь в виду, что психологический термин «переживание», часто используемый Гуссерлем, не дискредитирует в духе психологизма intersубъективный идеальный лингвистический смысл. Рассмотрение смысловых значений языковых выражений в их соотнесенности с субъектом еще не есть психологизм. В феноменологии дистинкция «идеальное-реальное», объективное-субъективное имеет смысл лишь как *всевременное-временное*. Такое понимание базируется на двойственном характере сознания. С одной стороны, сознание выступает как некое ментальное идеальное пространство, совокупность осмысленных предметностей, лингвистических значений (*Bedeutung*), преобразующих мир в знание о мире. С другой, – сознание есть реальный процесс осмысления, конституирования этого мира различными субъектами. При этом никакого удвоения мира, основанного на противопоставлении идеального реальному, или intersубъективного субъективному не происходит. Идеальное как (*всевременное*) есть коррелят реального (временного) и рассматривается как одна из сторон реального ментального процесса. С одной стороны, смысловые характеристики языковых выражений – значения-*Bedeutung* сохраняют свою надиндивидуальную, intersубъективную природу, характеризуя наше знание о мире, фиксированное в языке, и в абстракции от их функционирования в индивидуальном сознании, они «столь же не психологичны, как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними», подчеркивает известный психолог А.Н. Леонтьев [4, с. 140]. С другой стороны, они являются «важнейшими образующими человеческого сознания».

Значения-Bedeutung¹ обретают бытие лишь в реальных когнитивных актах означивания временного, постоянно меняющегося субъекта. Феноменологический подход к сознанию как постоянно меняющемуся бесконечному смысловому горизонту философски обосновывает саму возможность изменения концептуальной позиции адресата, которая традиционно определяется в качестве цели аргументации. Существует масса распространенных аргументативных приемов, направленных на изменение или формирование смысла, лежащего в основе *ситуативного* отношения субъекта к обсуждаемому предмету. Так, хорошо известные приемы «аргумент карманного свойства», «апелляция к личности» можно рассматривать и как привносящие дополнительный смысл в ситуативно меняющейся, перестраивающейся концептуальной системе субъекта, и как задающие доминирующий, выступающий на первый план мотив в иерархии смыслообразующих мотивов поведения. В процессе «проникновения» в ментальное пространство личности адресата субъект аргументации «активизирует», заставляет осознать порой неотрефлексированные самим адресатом мотивы его дальнейшего действия, а иногда формирует дополнительные. И в первом, и во втором случае это означает, что адресат начинает по-новому видеть предмет, что в контексте интенциональности означает переосмысление последнего.

Рассматривая мотивационную сферу личности, А.Н.Леонтьев отмечает, что для нее характерна определенная иерархия, в которой смыслообразующие мотивы занимают всегда более высокое место. В нашем случае важно то, что «для самого субъекта они могут оставаться «за занавесом» – и со стороны сознания, и со стороны своей непосредственной аффективности» [4, с.204]. Актуализация, реактивация того или иного смыслообразующего мотива (самосохранения, престижности, полезности, познавательного, эстетического и т.д.) – задача, которую решает субъект аргументации, применяющий прием «карманного свойства» и многие другие, затрагивающие мотивационную сферу психики

¹ В дальнейшем, следуя феноменологической традиции, под этим термином будут подразумеваться смысловые характеристики языковых выражений, что существенно отличается от традиции, идущей от Фреге, для которого Bedeutung – референциальная характеристика знака.

адресата. Понятие смыслообразующего мотива является важным для концептуализации аргументации, если иметь в виду, что переосмысление адресатом предмета не представляет собой конечной цели аргументации, а есть необходимое условие его дальнейшего поведения, мотивированного смыслом.

Когнитивно обусловленная теория смысла Гуссерля, как неотъемлемая часть развития его феноменологического метода, пересекается по целому ряду параметров с исследованиями в психологии. А.Н. Леонтьев в программной работе [4] указывает на двусторонний характер смысла. Также как и Гуссерль, он считает значения *Bedeutung* идеальными и объективными. Общедоступный язык как предмет интерсубъективного мира, в котором эти значения получают свое выражение, является гарантом этой объективности. Также как и Гуссерль, А.Н. Леонтьев считает, что только в материи языка мысль обретает свое бытие. Так у слепоглухонемых детей (то есть в случае выпадения главных сенсорных систем) только в результате овладения ими специфически человеческими операциями предметного действия и языком формируется нормальное сознание. При этом, отстаивая объективность значений в контексте антипсихологизма, А.Н. Леонтьев подчеркивает, что, не смотря на то, что носителем смысловых значений является язык, «язык не демиург значений». «В значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытой совокупной общественной практикой» [4, с. 140]. Именно эти объективные значения, образующие предметное поле всякого знания, изучаются логикой, лингвистикой, семиотикой. Но когда эти значения рассматриваются как характеристики индивидуального сознания субъекта, они становятся объектом психологии.

Проводя различие между сознанием как реальным ментальным процессом и сознанием, рассмотренным со стороны его идеального содержания, Гуссерль также указывает на разные стороны смысла, рассматривая когнитивный смысл-*Sinn* и лингвистическое смысловое значение – *Bedeutung*, характеризующее языковое выражение. Прежде, чем закрепиться за языковым выражением в качестве значения-*Bedeutung*, смысл должен сформироваться, конституироваться в когнитивном акте означивания. Процесс конституирования значения протекает во

времени и может оказаться незавершенным, что проявляется в незаконченности предложения. Незавершенность процесса означает в данном случае отсутствие предметной проекции когнитивного смысла, ситуации, о которой идет речь. Очень важно, что когнитивный смысл не есть какой-то особый, «второй» смысл. Здесь также как и с пониманием идеального-реального, никакого удвоения не происходит. Sinn и Bedeutung коррелируют. Sinn представляет собой понятие смысла, рассмотренного в его когнитивной ипостаси, то есть со стороны познавательного акта субъекта, Bedeutung характеризует языковое выражение.

Концепция смысла как когнитивно обусловленного и связанное с ней понятие двустороннего смысла, его «противоречивость», вызвавшая к жизни проблему логического и психологического в мышлении, является, на мой взгляд, важной при построении теории аргументации и требует своего дальнейшего развития.

Объективность лингвистических смысловых значений Гуссерль трактовал как тождество определенных сторон когнитивных интенциональных актов субъектов. Тождество означало для него отнесение предмета различными субъектами к одной и той же точке на дереве смыслов. Ганс понимает Эрну, так как их когнитивные акты со-направлены, в них конституируется единый, тождественный смысл. В отличие от Фреге, который «платонизировал» смыслы и тем самым сделал неразрешимой проблему понимания, Гуссерль рассматривает проблему интерсубъективности смысла в ее когнитивном аспекте, то есть с учетом субъекта, причем субъекта социального. Тождество, общность смыслов различных субъектов рассматривается им с учетом общности их опыта, привычек, убеждений и, самое главное, общности языка.

Идея различения и коррелятивности смысла-Sinn как когнитивной характеристики и значения-Bedeutung как смысловой характеристики языкового выражения получает своеобразное развитие в современной психологии. В теории Леонтьева двойственность смысла проявляется в различении лингвистического значения и личностного смысла. Психологами экспериментально было показано, что значения человек не формирует по типу чувственных «генерических» образов, иначе язык и общение не являлись бы необходимыми для возникновения сознания. Значения есть результат присвоения исторически выработанных смыслов в

процессе усвоения языка в условиях деятельности и коммуникации. И здесь психология наталкивается на ту же проблему, которую поднимает Гуссерль. *Как объективные языковые значения обретают субъективное существование в ментальном пространстве конкретного индивида? Как субъективный (индивидуальный, личностный) смысл соотносится с объективным лингвистическим значением, принадлежащим интерсубъективному смысловому полю?*

При этом важно иметь в виду, что проблема субъективного и объективного компонента смысла Гуссерлем и Леонтьевым рассматривается в разных контекстах. Цель Гуссерля – отстоять антипсихологизм в логике, обосновать объективный и необходимый характер логических связей. Поэтому, исследуя проблему в рамках трансцендентализма, он делает акцент на *интерсубъективности смысла*. Леонтьев делает акцент на субъективной стороне смысла, имея в виду смысл как характеристику психической жизни индивида. Его, в отличие от Гуссерля, рассматривавшего знание как смысловое поле, интересует субъект – носитель этого знания. В своем исследовании смысла Леонтьев идет от эмпирического материала к теоретическому обобщению, что принципиально отличает его метод от трансцендентального метода Гуссерля. Гуссерлевский субъективизм иного толка. Характеризуя смысл, Гуссерль стремится очистить его от всего эмпирического, временного, индивидуального. Гуссерля не интересует эмпирическая субъективность, он строит свою концепцию в рамках трансцендентального субъективизма. Если в феноменологии проблема двойственности смысла рассматривалась с точки зрения коррелятивности субъективного, когнитивного Sinn и объективного лингвистического Bedeutung, то в психологической теории Леонтьева акцент делается на их различии, и даже противопоставлении. Это связано с расширением самого понятия смысла в психологии, рассмотрение смысла как одной из сторон психической жизни эмпирического субъекта. С точки зрения Леонтьева, значения буквально «вклиниваются» в психическую жизнь индивида. Порой в сознании индивида они начинают жить двойной жизнью. Так, человек может понимать значение экзаменационной отметки, но для него она может иметь дополнительный

личный смысл (способ обратить внимание на себя подруги, хорошее настроение родителей и т. п.). В психологической литературе личный смысл часто связывают с пристрастностью человеческого сознания, избирательностью внимания, эмоциональной окрашенностью представлений, зависимостью познания от потребностей, влечений, желаний субъекта. Так в психологии получает своеобразное развитие идея различения лингвистического объективного предметного значения (стереотипа) – *Bedeutung* и субъективного переживания этого значения как формирования личного смысла *Sinn*.

2. Трансляция личного смысла в аргументации

Личностный смысл оказывается лежащим в основании поведения человека, его отношения к миру. Он, а не значение, составляет сущность личности субъекта. Лингвистическое значение играет лишь функцию посредника, оно вызывает к жизни личный смысл, который и определяет поведение субъекта, его дальнейший опыт. Но в чем специфика именно личного смысла, если учесть, что и значения-*Bedeutung* получают реальное существование в переживаниях конкретного индивида, будучи частью реальных ментальных событий сознания?

Рассмотрим проблему применительно к аргументации. Аргументирующий субъект пытается передать не только лингвистический смысл сообщения, но и личный смысл, то есть значение (предмет, ситуацию), пережитое, освоенное, понятое им лично так-то и так-то. Получается, что сообщение обладает своим собственным смыслом, общепринятым, стереотипным значением, рассмотренным в абстракции от его носителя субъекта, и может выступать индикатором личного индивидуального смысла. Это смысловое различие имеет феноменологическое обоснование. Оно проявляется в разнонаправленности когнитивных актов адресата. В одном случае, когда он слышит речь, предметом внимания оказывается само языковое выражение, выражающее общее, интерсубъективное значение. Все мы понимаем значения слов и предложений языка, на котором говорим. В данном случае сам знак задает направленность нашему когнитивному акту. Значения-*Bedeutung* оказываются на месте референта (объекта). В другом случае, личность автора сообщения, то в сообщении, что

выражает его отношение к предмету, определяет направленность нашего сознания. Язык выступает в данном случае лишь как посредник, делающий доступным личностное ментальное пространство субъекта аргументации.

Ницше, утверждавший, что люди всегда говорят об одном и том же, а именно - о себе, по-видимому, имел в виду то, что психологи называют личностными смыслами. Итак, субъект стремится передать личностный смысл адресату, изменить его личностную концептуальную систему. Изменение позиции адресата означает изменение личностного смысла. В процессе аргументации для ее адресата значения, оказывавшиеся на месте объекта смыслообразующего акта, *имеют точечную природу*. Он понимает слова и текстовое сообщение в целом, то есть – *о чем* это сообщение. Но это лишь условие для понимания личностного смысла – *что* сообщения. Но как он «схватывает» личностный смысл другого субъекта? Не так редка ситуация, когда адресат, понимая *о чем*, не совсем понимает *что*. Это выражается в вопросах адресата: «Что Вы хотели этим сказать? Что Вы имеете в виду?». В этой ситуации и проявляется противоречие лингвистического и личностного смысла, которое имел в виду Лейбниц, утверждавший, что «...если бы геометрия также противоречила нашим страстям и нашим интересам, как нравственность, то мы бы также спорили против нее и нарушали ее вопреки всем доказательствам Эвклида и Архимеда» [3, с. 97]. В аргументации учет понятия «личностный смысл» оказывается архиважным, ведь идет борьба за сознание субъекта, за его личное, индивидуальное отношение к предмету, которое, в конечном счете, и определит его поведение.

Бытие общества опосредовано языком. В отличие от общества, бытие индивида не является «самоговорящим». «Индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне «готовых» значений – знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении в тех или иных формах индивидуальной или массовой коммуникации» [4, с. 154], – пишет Леонтьев, явно противопоставляя интерсубъективные значения и личностные смыслы, характеризующие индивидуальные особенности сознания конкретных индивидов.

Проблема различения значения и личностного смысла должна быть всесторонне рассмотрена при теоретическом осмыслении аргументации. Я сколько угодно могу говорить человеку о том, что воровать аморально, но если воровство относится к личностным смыслам «опасно», «сложно», «противозаконно», но не как к «аморально», сообщение будет услышано, но останется нейтральным как всякое значение и не будет переведено в область личностного смысла «аморально». Тем самым не будет достигнуто понимание. В аргументации это значит, что мое сообщение для адресата не будет выполнять функцию аргумента по отношению к тезису «воровать нельзя». Итак, в аргументации целью является не только передача значений, но прежде всего – формирование личностного смысла адресата. Но тогда встает другая проблема: как свой личностный смысл передать другому человеку, имея в качестве средства готовые значения, фиксированные в языке общения, то есть, пользуясь одним языком?

Психологически, то есть в системе сознания субъекта, значения не существуют иначе «как реализуя те или иные смыслы» [4, с. 153. Смысл всегда «опережает» его выражение. Субъект подбирает слова, чтобы выразить смысл. Он осуществляет своеобразный перевод личностного смысла в лингвистически оформленный. Он осмысливает субъективные, индивидуальные феномены психической жизни при помощи языка. Внутренний индивидуальный опыт создается смыслами, которые порой не могут «высказать себя» в адекватных значениях. Однако, отсутствие адекватного лингвистического выражения не означает отсутствия личностного смысла, который по Леонтьеву составляет глубинные слои системы сознания. Этот личностный смысл может быть не рефлексирован самим субъектом, но временная невербализованность не означает для Леонтьева отсутствие или небытие смысла.

Не трудно заметить, что в основе психологического подхода лежит понятие многослойности, иерархичности сознания. То, что мы называем внутренними переживаниями, суть явления, возникающие на поверхности системы сознания, в форме которых сознание выступает для субъекта в своей непосредственности, - считает Леонтьев. Поэтому сами переживания интереса или скуки, влечения или угрызения совести еще не открывают субъекту своей природы; хотя они кажутся

внутренними силами, обуславливающими его деятельность, их реальная функция заключается лишь в наведении субъекта на их действительный источник, которым является личностный смысл события.

3. Аппрезентация и аргументация

В самом основании аргументации, если понимать ее как трансляцию личностных смыслов, лежат когнитивные механизмы, образующие фундамент смыслообразующей деятельности. Особенно важна в связи этим феноменологическая идея коррелятивности идеального и реального, понимания идеального как «переживания», рассмотрение идеального как одной из сторон реального ментального акта.

Смысл – это всегда переживаемый так-то и так-то смысл, он принадлежит ткани субъективной психической жизни. Смысл всегда творится, каждый раз переживается субъектом заново. Сколько бы мы не доказывали теорему Пифагора, мы всякий раз осмысливаем ее заново. Реактивация смысла, пережитого раньше, есть новый, реальный акт переживания того же самого смысла. И это важно, ибо в трактовке субъекта как постоянно меняющегося личностного смыслового поля имплицитно содержится *идея о возможности изменения позиции адресата в аргументации.*

В аргументации считается, что сообщение должно быть адресным. Не означает ли это, что оно должно быть обращено к личностному смыслу, который характеризует отношение субъекта к предмету и определяет, в конечном счете, его деятельность? Несомненно. Но как я «проникаю» в личное ментальное пространство другого субъекта? Попытаемся исследовать проблему в контексте феноменологического метода.

В феноменологии *другой* есть всегда проекция меня самого. Он конституируется в моем субъективном мире и как *другой*, и как другое *Я*. В основе понимания как условия аргументации оказывается момент отождествления меня с *другим*, что означает отнесение *другого* к типу «Я», то есть наделение его пережитыми в моем опыте, личностными смыслами, характеристиками. Адресность в этом контексте есть не что иное как типизация мной адресата на

основе моего личного субъективного опыта, то есть на основе моих личностных смыслов. Это означает, что я обращаюсь не просто к *другому*, а к другому как *проекции меня самого*. Но как происходит типизация адресата, что лежит в ее основе, и где искать критерий понимания? Откуда я могу знать, что, благодаря моей аргументации, другой пережил такой-то и такой-то личностный смысл, который определит его дальнейшие шаги? Фактически мы уже ответили на часть вопроса. Индикатором тождества моего смысла и смысла *другого* является только согласованность действий (в том числе и вербальных), когда мои ожидания совпадут с результатами, то есть с поведением *другого*.

Но пока передо мной – другой человек. Я хочу убедить его, сделать свой смысл смыслом *другого*. Мне важно, что бы он не просто понял значение сообщения, но и сформировал, пережил определенное отношение, занял позицию по отношению к объекту сообщения. Гуссерль показывает, как *другое я* конституируется в моем субъективном предметном поле. Исследуя когнитивные акты разного уровня, Гуссерль подчеркивает, что смыслообразующие акты как акты высокого уровня фундированы когнитивными актами более низкого уровня. Осмысление как типизация может рассматриваться на основе «трансцендентальной апперцепции» (аппрезентации).

Апперцепция не есть вывод, не есть мыслительный акт, подчеркивает Гуссерль. «Каждая апперцепция, в которой мы сразу же понимаем, фиксируем смысл предметов вместе с его горизонтами, интенционально отсылает нас к некоему первичному учредительному акту, когда был впервые конституирован предмет, обладающий подобным смыслом» [1, с. 217]. Другими словами, мы всегда относим предмет к уже известному нам типу, пережитому в опыте смыслу. Ведь «даже неизвестные нам вещи этого мира, вообще говоря, известны в том, что касается их типа» [1, там же], – тонко подмечает Гуссерль. Апперцепция, таким образом, означает перенос по аналогии смысла с предмета (образца) на новый случай на основании сходства этого случая с образцом. Этот универсальный когнитивный механизм характерен и для восприятия, в том числе и восприятия *другого* как психофизического существа.

Апперцепция (аппрезентация) может быть понята как своего рода «*приведение-в-со-присутствие*» (Mit-gegenwartig-machens), *осознание чего-либо в соприсутствии*. Такая аппрезентация имеет место уже во внешнем опыте, поскольку передняя сторона вещи, данная нам в восприятии (увиденная нами), постоянно и с необходимостью аппрезентирует ее тыльную сторону и заранее очерчивает содержание последней. Эта аппрезентация участвует в конституции так называемой первопорядковой природы. Здесь мы имеем возможность опытно подтвердить ее посредством наполняющей презентации (когда тыльная сторона становится передней), что исключено в случае аппрезентации *другого*.

Если мы допускаем, что в область нашего восприятия вступает другой человек, то это означает, что тело другого (тело первого порядка, составляющее часть меня самого как имманентную трансцендентность) воспринимается как живое, получив этот смысл от *моего живого тела в результате апперцептивного перенесения*. «С самого начала ясно, что только **подобие**, благодаря которому внутри моей первопорядковой сферы тело, находящееся *там*, связывается с моим телом, может служить основанием для мотивации восприятия **по аналогии**, при котором это тело воспринимается как живое тело «другого». На основании этого Гуссерль делает важный для нас вывод, что мы имеем дело с уподобляющей апперцепцией, но ни в коем случае не с выводом по аналогии. «Апперцепция не есть вывод, не есть мыслительный акт» [1, с. 217]. В каждой апперцепции мы с одного взгляда, фиксируя свое внимание на предмете, схватываем его, сразу понимаем его смысл. К примеру, ребенок однажды понимает, в чем состоит смысловое предназначение ножниц. С этих пор с первого взгляда он видит ножницы как таковые. Это не сопровождается развернутым воспроизведением учредительного акта, пережитого ранее, сравнением или логическим выводом.

В своей теории Alter Ego Гуссерль, исследуя механизм аппрезентации *другого*, показывает, что другой субъект есть проекция меня самого, моего личного опыта. В аргументации это означает, что, исследуя адресата (лицо, мимику, поведение, одежду и т.д., то есть все, что доступно моему восприятию), я типизирую его на основании сходства с объектами образцами, пережитыми в моем опыте, обладающими моими личностными смыслами. Чем богаче мой опыт, чем больше

признаков у адресата, сходных с объектами, осмысленными в моем опыте, тем больше я знаю об адресате, тем ближе я к его личностным смыслам.

Аппрезентация в феноменологии рассматривается как универсальный когнитивный механизм, на котором основаны акты разного уровня, в том числе и мыслительные. Для Гуссерля было важно подчеркнуть непрерывность, единство сознания, которые выражаются в том, что всякий акт есть *основанный на акте* более низкого уровня. Он как бы надстраивается над ним, образуя единое целое. Все это означает необходимость рассмотрения субъекта в самом широком когнитивном контексте. Человек часто ситуативно не может рационализировать, то есть выразить вербально, почему он выносит такое решение, какой личностный смысл лежит в его основании. Это происходит, вероятно, из-за того, что типизация ситуации произошла благодаря механизму аппрезентации, который можно, наверное, сравнить с подведением под прецедент в юриспруденции. Почему так действителен аргументативный прием – «апелляция к публике», или «апелляция к личности»? Проанализируем его механизм с учетом концепции аппрезентации.

Рассмотрим пример из истории адвокатской практики. В суде рассматривалось дело человека с серьезными физическими недостатками, который, устав от многолетних издевательств и ежедневных насмешек своего соседа, однажды не выдержал и убил своего обидчика. Адвокат построил свое выступление таким образом. Он обратился с приветствием к судье, присяжным и присутствующим в зале, выразив его в одной стандартной речевой формуле. Затем взял паузу. Через несколько минут он в точности повторил уже сказанную фразу приветствия и опять замолчал. Так он проделал несколько раз, до тех пор, пока присутствовавшие в зале суда не стали выходить из себя, возмущаться, требовать вмешательства судебного пристава. Тогда адвокат, успокоив аудиторию, произнес краткую речь, которая и определила вердикт присяжных «не виновен». Он сказал приблизительно следующее. «Сегодня, выступая перед вами, я несколько раз повторил безобидные слова приветствия, но посмотрите, какую реакцию мои слова вызвали у вас. А моему подзащитному приходилось на протяжении многих лет, каждый день выслушивать насмешки и оскорбления, связанные с его физическим недостатком. Так разве он не заслуживает вашего снисхождения?»

В приведенном примере адвокат заставляет присяжных пережить лично ситуацию, схожую со случаем разбирательства в суде. После чего случай с убийцей будет типизирован, «осмыслен» по аналогии с образцом, ситуацией, которую пережили только что присутствующие в зале. Благодаря когнитивному механизму аппрезентации, подсудимый предстал в сознании присяжных как пострадавший, а не виновный.

В феноменологии поднимается еще один, важный для построения теории аргументации вопрос: как мы можем достичь смысловое пространство другого я. Ведь я никогда не достигаю действительного присутствия сознания другого в моей первопорядковой сфере, Alter Ego никогда не может быть предметом моего восприятия. Как я узнаю о том, что некто понял меня, что является индикатором того, что мои смыслы стали его смыслами, и что мое осмысление другого как другое Я оправдано? Развивая концепцию Alter Ego, Гуссерль говорит об удвоении как сущностной когнитивной характеристике аппрезентации: «ego и Alter Ego всегда и с необходимостью даны в изначальном удвоении» [1, с. 219]. Удвоение, то есть «конфигурирование» в виде пары, по мнению Гуссерля, есть универсальный феномен трансцендентальной сферы и интенциональной психологии. При этом удвоение является специфической изначальной формой пассивного синтеза, который в отличие от пассивного синтеза идентификации, Гуссерль называет ассоциацией. Суть удваивающей ассоциации состоит в том, что два предмета даются интенционально как выделенные в единстве некоего сознания пассивно. Не важно, обращаем мы в данный момент на них внимание или нет. Они, отличаясь друг от друга в явлении, «образуют в феноменологическом отношении некое единство подобия, таким образом всегда оказываются конституированы как пара» [1, с. 220]. В случае апперцепции Alter Ego посредством Ego удвоение происходит лишь при условии моего восприятия другого как психофизического субъекта. Познанное в опыте живое тело «другого» в дальнейшем проявляется действительно как живое тело только в своем меняющемся, но всегда согласованном поведении. Это поведение имеет физическую природу.

Другими словами, понимание другого субъекта достигается только в опыте, через данное моему восприятию поведение другого, согласованное с моим поведением, реализующим мои личностные смыслы. Применительно к аргументации это означает, что данные моему восприятию улыбка, смех, фраза, трагическое лицо, любое действие адресата (тождественное моему действию), по аналогии с моими реакциями, типизируется как проявление аналогичных, тождественных моим переживаниям его личностных смыслов.

В данной статье я постаралась показать, что одним из фундаментальных понятий в теории аргументации является понятие смысла. При этом смысл необходимо рассматривать в широком когнитивном контексте. Учет когнитивной обусловленности смысловых значений языковых выражений позволяет продвинуться в решении проблемы трансляции личностных смыслов, найти и обосновать наиболее эффективные механизмы, позволяющие вносить изменения в позицию адресата, что является конечной целью всякой аргументации. Разумеется, предпринятое в статье исследование не исчерпывает всего проблемного поля теории аргументации и, в первую очередь, призвано продемонстрировать продуктивность и перспективность когнитивного подхода к ее построению.

Литература

1. Гуссерль Э. Картезианские размышления, СПб.: Наука, 1998.
2. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции, М.: Изд-во УРАО, 1998.
3. Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Сочинения в 4-х т. Т. 2, М.: Мысль, 1983.
4. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность, М.: Политиздат, 1975.

Наталья Валентиновна Зайцева, кандидат философских наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук Всероссийской академии внешней торговли, natvalen@list.ru

Dr. Natalia Zaitseva, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Russian Foreign Trade Academy, natvalen@list.ru